

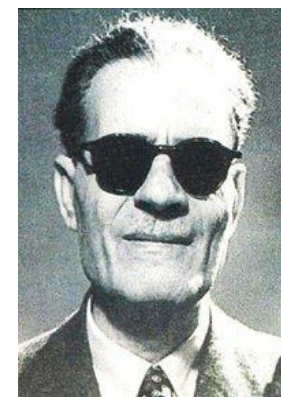

ЛИТЕРАТУРА ЕГИПТА В 20-40-е ГОДЫ XX ВЕКА

К концу второго десятилетия XX века в египетской литературе складывается устойчивый интерес к действительности в ее непосредственных, конкретных и всевозможных проявлениях как к объекту эстетического освоения. Передовые писатели видят свою задачу в прямом, не опосредованном готовыми эстетическими формами контакте с окружающим их миром, в адекватности отображения этого мира в художественных произведениях. Это «открытие» литературной действительности происходило в условиях национального подъема, захватившего все сферы жизни страны в первые два десятилетия XX века и приведшего к национально-буржуазной революции 1919-1923 гг., которая завершилась провозглашением формальной независимости Египта.

Не реализовав главной цели – независимость оставалась лишь формальной, – революция обострила национальные чувства, усилила общую потребность в свободе – экономической, политической, в свободе личности.

Инициатором и пропагандистом «обновления» (тахдис, таджид), под которым в первую очередь подразумевалась европеизация общественной и научной мысли и литературы, по возможности скорейшее преодоление культурного отставания от Запада, выступала европеизированная интеллектуальная элита, состоявшая из людей разных взглядов и политических убеждений. Профессор Каирского университета [Таха Хусейн](#) Инициатором и пропагандистом «обновления» (тахдис, таджид), под которым в первую очередь подразумевалась европеизация общественной и научной мысли и литературы, по возможности скорейшее преодоление культурного отставания от Запада, выступала европеизированная интеллектуальная элита, состоявшая из людей разных взглядов и политических убеждений. Профессор Каирского университета Таха Хусейн (1889-1973), получивший докторскую степень в Сорбонне, пропагандировал использование историко-критических методов в науке, применяя их к анализу арабомусульманского культурного наследия. Талантливый самоучка [Аббас Махмуд аль-Аккад](#) Инициатором и пропагандистом «обновления» (тахдис, таджид), под которым в первую очередь подразумевалась европеизация общественной и научной мысли и литературы, по возможности скорейшее преодоление культурного отставания от Запада, выступала европеизированная интеллектуальная элита, состоявшая из людей разных взглядов и политических убеждений. Профессор Каирского

Таха
Хусейн

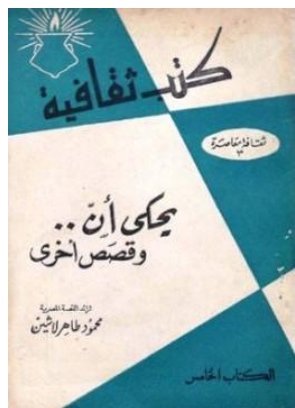
Салама
Муца

Улица в Каире, 1934 г.

В 1925 г. группа молодых литераторов, ядро которой составили Ахмед Хайри Саид, Махмуд Тахер Лашин, Махмуд Теймур и [Хусейн Фаузи](#), начали издавать еженедельную газету «аль-Фаджр» под девизом «Разрушение и созидание», подразумевая под этим разрушение старого и созидание нового на пути к подлинно современной египетской литературе, в данном случае новеллистике. В этой газете увидели свет новеллы ее основателей и других начинающих писателей, в том числе Йахьи Хакки, присоединившегося к этой группе, называвшей себя «новой школой», в 1926 г. Хотя газета просуществовала лишь один год, она сыграла серьезную роль в становлении новеллистического жанра, а трое из ее авторов – Лашин, Теймур и Хакки – получили признание как классики современной египетской новеллы.

В формировании собственных литературных вкусов, по воспоминаниям Йахьи Хакки, члены «новой школы» прошли через два этапа: первый – интеллектуальное насыщение французской и английской литературой, второй – «духовное пиршество», порожденное чтением русской литературы, которая привела в смятение их чувства и пробудила в них жажду творчества.

Современное издание сборника Лашина «Рассказывают,

[Махмуд Тахер Лашин](#) (1894-1954), автор трех сборников рассказов, продолжал в них просветительскую линию обличения общественных пороков – неравноправия женщины, многоженства, употребления наркотиков, невежества, лицемерия, но делал это не с помощью риторики и пафоса, а прибегая к юмору и образным средствам, хотя рассказы его не были свободны и от поучений, и от стилистических штампов, и даже местами от рифмованной прозы, соседствующей с разговорным языком диалогов. В его рассказах много живых наблюдений, зарисовок, описаний мест – улиц, лавок, домов, портретов их обитателей, подробностей быта, но характеры персонажей разработаны слабо. В становлении Лашина как писателя-реалиста большую роль сыграло его знакомство с творчеством Чехова, чьи сюжеты порой проглядывают в рассказах Лашина. Впервые в египетской литературе Лашину удалось создать реалистический «коллективный портрет» феллахов, с их особым мировосприятием.

Махмуд
Теймур

Представитель аристократической семьи, брат Мухаммеда Теймура, [Махмуд Теймур](#) Представитель аристократической семьи, брат Мухаммеда Теймура, Махмуд Теймур (1894-1973) с детства читал на европейских языках и ориентировался в арабской классической и современной литературе. Своими главными литературными учителями он считал Мопассана и Чехова, утверждая, что великую литературу можно создавать, только учась на великих образцах. Первоочередное внимание в своих новеллах он уделял не столько сюжету, сколько изображению характера, а его главными художественными средствами были внешний портрет, изложение биографии персонажа и описание сцены или происшествия, в которых этот характер наиболее полно раскрывался. Во всех [новеллах](#) (около 40), написанных Теймуром до второй трети 30-х годов, объектом художественного изображения является окружающая действительность с ее «местным колоритом», а прототипами многих персонажей послужили люди, с которыми писатель был знаком.

В новеллах Теймура 20-х годов реалистические элементы – детальное изображение быта, внешнего портрета, социальный критицизм – переплетаются с романтическими: рядовое происшествие, бытовая сцена нередко служат иллюстрацией одной гипертрофированной черты характера персонажа – его непомерной скупости, тщеславия, крайней распущенности, чудовищного жестокосердия, болезненной подверженности суевериям, всепоглощающей страсти. Как отмечали исследователи творчества Теймура, герои большинства его новелл – люди странные, «не в своей тарелке». Нравственные качества Теймур склонен трактовать как свойства социальной среды: скупость, жестокосердие оказываются присущи прежде всего богачам, бедняков же на неблагоприятные поступки толкают нищета и отчаяние. Власть денег над душами людей – мотив, широко представленный в творчестве Теймура 20-х годов. Весьма занимает его и проблема распространенных в обществе суеверий, которой он посвящает несколько новелл, в том числе одну из самых удачных – «Шейх Саййид, слабоумный» (Шейх Саййид аль-абит, 1926). В этой новелле Теймур раскрывает психологию крестьянской массы, для которой самое простое и естественное объяснение всего происходящего в жизни заключается в борьбе небесных и дьявольских сил.

Русское издание
новелл
Махмуда Теймура

Уже к концу 20-х годов в творчестве Махмуда Теймура происходят заметные перемены, порожденные его знакомством с западной послевоенной литературой во время его длительной поездки в Европу. Из Европы он вывез разочарование в «национальном колорите» и намерение поднять египетскую новеллу до мирового уровня. В рамках своих новых творческих задач Теймур, не отказываясь в принципе от передачи реалий египетской жизни, значительно сократил описание излишних, на его взгляд, внешних подробностей и сосредоточился на анализе психологического состояния персонажей, на их внутреннем видении и переживаниях. Психологический анализ, полнота исследования внутреннего конфликта требовали более развернутого сюжета, и Теймур пишет повесть «Рагаб-эфенди» (1927). В 30-е же годы жанр повести становится в его творчестве основным.

Йахья Хакки (1905-1993), самый молодой из участников «новой школы», начинал с небольших, большей частью бессюжетных зарисовок, описаний мест, людей и – что составляет характерную именно для него особенность – домашних животных. В его первом опубликованном в газете «аль-Фаджр» рассказе «Фалла, Мишмиш и Лулу» сценка с участием кошки, кота и собаки иллюстрирует взаимоотношения их владельцев, обитателей одного дома. Этот совершенно новый для египетской новеллистики прием опосредованного представления персонажей, создание их образов через повествование о домашних животных или в других случаях – о предметах домашней обстановки Хакки часто использует и развивает в последующем [творчестве](#). Через подробнейшее описание быта, предметов и животных, окружающих человека в его повседневной жизни, Хакки выходит на новый, по сравнению с Лашином и Махмудом Теймуром, уровень психологизма, его персонажи, рядовые, «нормальные» люди, обладают индивидуальностью, их характеры более многогранны.

Современное издание сборников рассказов Й. Хакки

Йахья Хакки широко опирается на опыт мировой новеллистики XIX века разных стран и направлений, использует сюжеты, композиционные формы, психологические типы героев, переосмысливая их соответственно своему пониманию человека и египетского национального характера и сосредотачиваясь на проблемах человеческого духа. В то же время оригинальное, творческое начало проявляется у него в большей степени, чем у кого-либо из его собратьев по «новой школе».

Из многочисленных романов (ривайат), опубликованных в Египте в 20-е годы авторами сирийцами и египтянами, сколько-нибудь заметный след в литературе оставили считанные единицы, несмотря на то, что некоторые романы выдержали в свое время по два-три издания. Абсолютное большинство этих произведений было посвящено любви и ее превратностям, страданиям влюбленных, их надеждам и борьбе за счастье. В ходу были заимствования из европейской литературы, переложения и адаптации сюжетов. Например, многочисленные подражания вызвали появившиеся в 1920 г. переводы Ахмеда Заки «Дамы с камелиями» и Ахмеда Хасана аз-Зайата «Страданий молодого Вертера».

Египтянка, 1930-е гг.

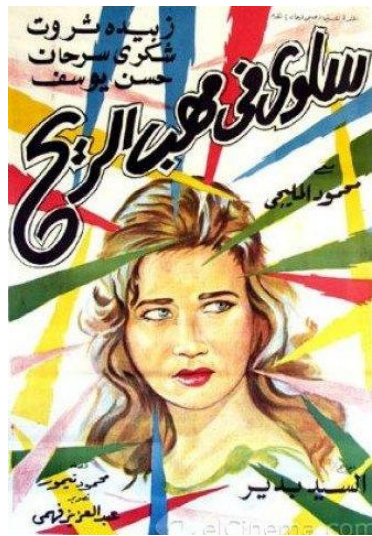
Действие большинства романов тех лет разворачивалось в настоящем времени и все чаще в египетской среде – в отличие от довоенных романов, авторы которых предпочитали иностранные декорации. В них отображались в той или иной степени реальные приметы городского и деревенского быта и нравов, во всяком случае предпосылаемое многим романам определение «реалистический» свидетельствовало о претензиях их авторов на воссоздание достоверной картины жизни. В то же время, двойственность самой исходной нравственной позиции большинства романистов, стремившихся, с одной стороны, утвердить право человека, мужчины и женщины, на любовь, на свободу выражения чувств, а с другой – осудить порок и восславить добродетель, имело своим следствием эклектичность стиля романов и рыхлость образов – сочувственное изображение любовных коллизий, романтическая гиперболизация чувств персонажей, их исповедальные монологи, объясняющие и оправдывающие их поступки, входили в противоречие с нравоучительной дидактикой авторских проповедей.

Потребность в создании целостного, завершенного образа египтянина, характер и психологический склад которого раскрывались бы не в эпизоде, а в развернутом повествовании о жизни героя, ощущали и новеллисты «новой школы». Более литературно подготовленные и глубже, чем авторы развлекательных романов, знавшие европейскую литературную традицию, все они, кто раньше, кто позже, обратились к крупным прозаическим формам.

В «египетской повести» «Рагаб-эфенди» (1927) Махмуд Теймур продолжил тему многих своих ранних новелл о власти суеверий над сознанием египтян. Склонность к суевериям оказывается роковой для главного героя, Рагаба-эфенди, человека глубоко религиозного и ведущего уединенную скромную жизнь в квартале Святого Хусейна. Он становится учеником хаджи Халджияна, обучающего людей искусству вызывать души умерших, но уроки этого мага-шарлатана вызывают у него болезненные приступы. Его начинают преследовать страшные сны, видения адских мук и в конце концов, находясь в состоянии аффекта, он убивает учителя и оказывается в больнице для умалишенных. Тема помешательства излагается в повести преимущественно под углом зрения психоанализа, а цепь эпизодов, составляющих фабулу, напоминает запись истории болезни. Автор последовательно регистрирует этапы развития душевного заболевания своего персонажа, причины которого кроются в душевной организации самого персонажа.

Квартал Св. Хусейна, 1934 г.

Баннер художественного фильма (1962) по роману «Сальва в порывах ветра»

В названии своего романа [«Сальва в порывах ветра»](#) (Сальва фи махабб арих, 1944) Махмуд Теймур метафорически выразил ту же мысль, которую он высказывал в одной из своих статей: «Человек не может быть абсолютно добрым или абсолютно злым, он подвержен влиянию обстоятельств, он словно перо в порывах ветра». Преобладающей чертой характера героини романа является ее стремление к богатой и роскошной жизни, эту цель она осознанно или подсознательно преследует в постоянно меняющихся житейских обстоятельствах, пользуясь своей юностью, красотой, жертвуя своей гордостью, лицемеря и обманывая. Вместе с тем Сальва отдает себе отчет в аморальности своего поведения, переживает временами моменты раскаяния, оборачиваясь к читателю то отрицательными, то положительными сторонами своей натуры. Набор качеств не складывается, однако, в характер, последовательные эпизоды лишь фиксируют их проявления, и образ Сальвы, превратившейся в ходе повествования из десятилетней девочки в умудренную жизненным опытом женщину, остается внутренне статичным в своей изменчивости. Автор будто хочет сказать, что разум не властен над тайнами человеческой души.

Более цельной и завершенной повествовательной формой обладает роман «Зов неведомого» (Нида' аль-маджхуль, 1939), в котором Махмуд Теймур целиком ориентируется на поэтику европейской прозы, преимущественно приключенческого романа. Действие происходит в Ливане; живо и с юмором обрисованные второстепенные персонажи, подробности долгих и опасных поисков таинственного вырубленного в скале дворца – все это вполне могло быть навеяно романами Жюль Верна. В том же духе предстает и романтическая история главных героев – молодой англичанки, голубоглазой и белокурой мисс Эванс, и владельца дворца Йусуфа ас-Сафи, внука выстроившего дворец могущественного шейха, - встретившихся и «нашедших» друг друга при драматических обстоятельствах. У обоих в прошлом несчастная любовь, оба бегут от воспоминаний в одиночество, на лоно дикой природы. Мисс Эванс неодолимо влечет «зов неведомого», желание попасть в горный замок, где, оказывается, томится такая же опустошенная и одинокая душа, как ее собственная. Мотив «неведомого, живущего в глубинах человеческой души» побудил многих исследователей считать роман романтическим и даже мистическим.

Современное издание романа «Зов неведомого»

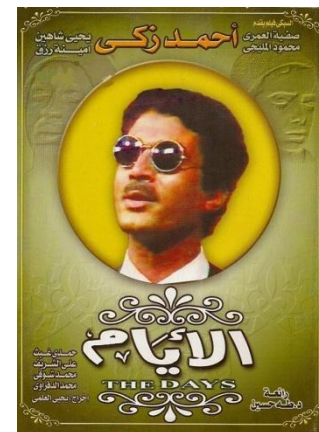
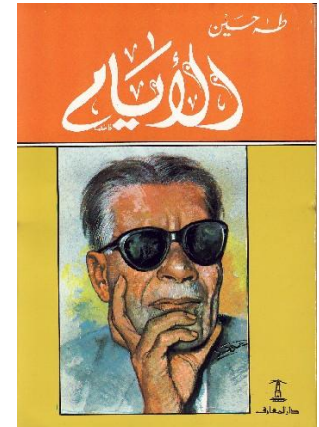

Современное издание романа «Ева без Адама»

Проработанность социального контекста и обусловленность им поведения персонажей, обычных, нормальных людей, стали основой реалистичности повествования и драматической глубины конфликта в романе Махмуда Тахера Лашина «Ева без Адама» (Хавва би-ля Адам, 1934). Героиня Хавва (Ева) – девушка из небогатой семьи, наделенная умом и способностями, получившая образование и потому остро чувствующая свое интеллектуальное превосходство над окружением, в котором она живет, и свое моральное право на лучшую участь. Она стремится пробиться «наверх», сменить свою должность учительницы музыки в семье Назима-паши на роль жены его сына – никаких других возможностей у девушки нет. Хавва безоглядно влюбляется в юношу; автору мастерски удалось передать душевное состояние героини, ее внутреннюю борьбу, растущие в ней смятение и тревогу. Хавва не может пережить обручение любимого с девушкой его круга и совершает самоубийство. Роман Лашина в то время еще не мог быть оценен публикой по достоинству из-за «аморального» поведения героини: даже образованные египтяне все еще не признавали право женщины на самостоятельность в вопросе выбора спутника жизни.

В качестве способа создания образа «египетской личности» в египетской литературе 30-х годов приоритетное развитие получило автобиографическое повествование. Романизированные автобиографии и романы, в которых автобиографический сюжет синтезируется с той или иной европейской романной жанровой формой, - одна из основных составляющих генезиса египетского романа, указывающая на возрастание фактора самовыражения, индивидуального авторского начала в литературе. Дань автобиографическому роману отдали Таха Хусейн, Тауфик аль-Хаким, Аббас Махмуд аль-Аккад, Ибрахим аль-Мазини.

Первая часть автобиографической повести Таха Хусейна [«Дни»](#) (аль-Айям), опубликованная в 1926-1927 гг. в журнале «аль-Хиляль», сразу получила широкое признание в кругах читающей публики. Личность и удивительная судьба слепого мальчика (Таха Хусейн ослеп в раннем детстве) из провинциального городка, ставшего студентом аль-Азхара, потом Каирского университета, защитившего две докторские диссертации, в Каире и в Сорбонне, сделавшегося преподавателем университета и одним из «духовных вождей» нации, сами по себе не могли не возбуждать живейший интерес и чувство национальной гордости. История становления выдающейся, богато наделенной от природы умом и силой воли личности, которая преодолевает инерцию среды, обычаев, общественного менталитета и собственным примером доказывает силу человеческого разума, овладевающего научным знанием, излагается в «Днях» ясным языком, близким языку арабской научной прозы. Подробно описывается и среда, в которой происходит становление героя, - его семья и жители городка Магага, учащиеся и шейхи аль-Азхара («среда чалм»), а во второй части (1939) – противостоящая ей «среда фесок», кружок светски мыслящих либеральных аристократов, группировавшихся вокруг Ахмеда Лутфи ас-Сайида и газеты «аль-Гарида». Автобиографизм повести несет художественную функцию: он позволяет избежать схематизма в отображении внутреннего мира героя, поскольку автор рассказывает о собственных чувствах, своем отношении к людям и событиям, об испытанных им обидах, трудностях преодоления физической немощи, радостях научных побед и общественного признания. Очевидно здесь и желание автора создать образ целеустремленного «искателя знаний», человека мысли, которому тесно в рамках старой схоластической науки.

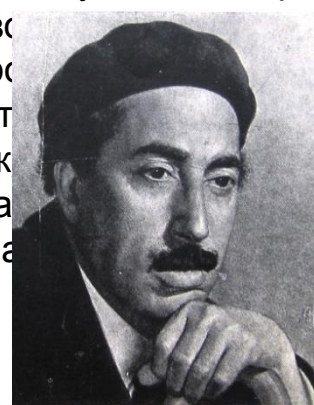

Современное издание романа «Дни» и баннер киносериала (1979) по роману

представляет собой опыт, хотя и не совсем последовательный, написания романа в письмах. «Зов горлицы» В последующих произведениях, в которых Таха Хусейн отходит от автобиографизма, он стремится к дифференциации жанровых и повествовательных форм, что имело немаловажное значение для становления египетского романа. «Литератор» (Адиб, 1931) представляет собой опыт, хотя и не совсем последовательный, написания романа в письмах. «Зов горлицы» (Ду'а' аль-карауан, 1941) – романтическая повесть, в которой Таха Хусейну удалось через повествование от первого лица создать сильный женский характер и показать эволюцию чувств и сознания героини. Роман «Древо несчастий» В последующих произведениях, в которых Таха Хусейн отходит от автобиографизма, он стремится к дифференциации жанровых и повествовательных форм, что имело немаловажное значение для становления египетского романа. «Литератор» (Адиб, 1931) представляет собой опыт, хотя и не совсем последовательный, написания романа в письмах. «Зов горлицы» (Ду'а' аль-карауан, 1941) –

романтическая повесть, в которой Таха Хусейну удалось через повествование от первого лица создать сильный женский характер и показать эволюцию чувств и сознания героини. Роман «Возвращение духа» (Аудава ирригер, 1943) Париж в 1943 году даже тогда, когда Франция была оккупирована, представлял собой «страну чудес», где можно было увидеть все, что хотелось. В романе «Возвращение духа» Таха Хусейн рассказывает о любви к прекрасной юной соседке Санийе. В бытописательном плане «Возвращение духа» близко традиции европейского семейного романа, но его образная система пронизана аллегориями, выражающими авторскую идею национального возрождения.

Родственники отца: три брата, незамужняя сестра и их слуга, в семье которых живет Мухсин, шутливо именуют себя «народом» (ша'б). Мужчины семьи, как и сам Мухсин, влюблены в Санию и видят в девушке, как бы олицетворяющей юность нации, своего кумира. Все готовы, радостно принеся в жертву личное, объединиться вокруг «вождя нации» Са'да Загляля, как объединились древние египтяне на строительстве пирамиды. Вся история Египта представляется писателю продолжением и сохранением его древней сути, того, что составляет «память сердца» египетских феллахов, истинных носителей духа нации. Автобиографические воспоминания автора позволили ему нарисовать живые картины быта, пластические, окрашенные юмором образы близких людей и собственный портрет «художника в юности», тянущегося ко всему прекрасному в жизни, ощущающего себя частицей своего народа и верящего в его будущее.

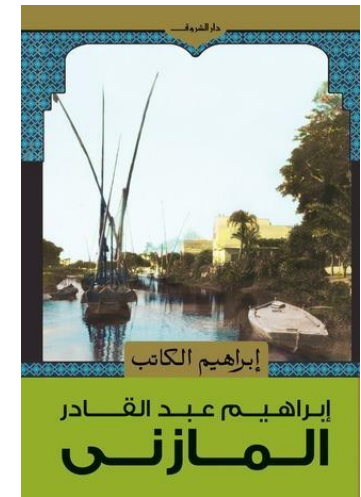

Т. аль-Хаким и современное издание

романа «Возвращение духа»

Ибрахим аль-Мазини (1890-1949), давший герою романа «Писатель Ибрахим» (Ибрахим аль-Катиб, 1931) свое имя и свою профессию литератора, в предисловии отрекался от всякого сходства с героем. Роман содержит текстуальные совпадения с романом Арцыбашева «Санин», ранее переведенным аль-Мазини с английского языка на арабский. «Санин», считавшийся многими современниками Арцыбашева в России «неприличным» из-за слишком «смелых» сцен, был воспринят аль-Мазини как произведение, выражающее европейское понимание любви, которому он хотел противопоставить понимание любви «египетское», обусловленное местными условиями и традициями. Герой романа аль-Мазини пытается обрести жизненную устойчивость в любви, но в трех своих любовных историях так и не делает окончательного выбора, каждый раз убегая от брака, уклоняясь от любых обязательств, сковывающих его свободу. Автобиографичен психологический портрет героя, разочарованного индивидуалиста, человека обостренной чувствительности, мятущегося, противоречивого, каким со свойственной ему самоиронией изобразил себя аль-Мазини. Именно такой образ стал новым словом в египетском романе.

Роман Аббаса Махмуда аль-Аккада [«Сара»](#) (1938) также посвящен анализу любовного чувства. Любовь главного героя Хумама к двум женщинам, чувственная – к Саре и платоническая – к Хинд, имеет под собой автобиографическую основу. О прошлой, платонической, любви упоминается лишь мимоходом. Хумам поглощен страстью к Саре, женщине неглупой, кокетливой и не отягощенной моралью, у которой Хумам не первый и, возможно, не единственный любовник. Анализируя характер Сары, писатель рисует обобщенный образ «вечной женственности» во всей его многоликости. Он говорит о Саре: «Это нечто известное и неизвестное. Бесполезно описывать ее такой, какой видит ее Хумам в дни его безмятежной и страстной любви к ней, или в те дни, когда он скучает рядом с ней либо тоскует в разлуке. Мы описываем ее сочетающей в себе все эти качества, чтобы в конечном счете Сара предстала такой, какой создал ее Аллах и какой Хумам вспоминал ее по прошествии многих лет, когда уже улеглись застилающие взор чувства». В этом подходе отразилась позиция аль-Аккада-философа, склонного к отвлеченности мышления, к сухой умственности.

Современное издание романа «Писатель Ибрахим»

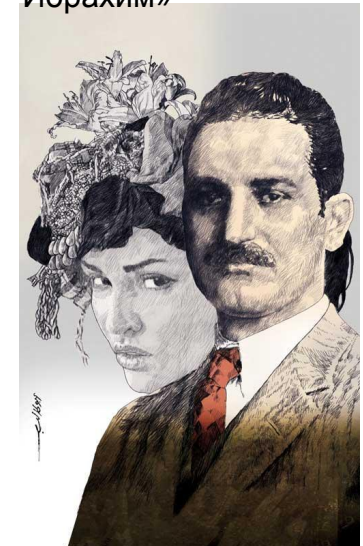

Иллюстрация к статье о романе «Сара» в журнале «аль-Араби»

Личный жизненный опыт, автобиографизм, становившийся источником творческого воображения, помогал египетским писателям преодолевать формализующую роль традиции, характерные для просветительской литературы условные способы изображения героя, заданность, предсказуемость его поведения и судьбы, открывал путь к созданию индивидуальных характеров. Образ героя усложнялся, механическое сочетание в нем противоположных, хороших и дурных, качеств, пороков и добродетелей, уступало место многогранности и единству человеческой личности, ищущей, сомневающейся, задающей вопросы, критически оценивающей себя и окружающий мир. От того, ставили ли авторы акцент на изображении внутреннего мира личности, на суверенности этого мира или на внешних, формирующих личность факторах, зависели соотношения в романах реалистических и романтических элементов, преобладание первых (в «Днях», в «Возвращении духа») или вторых (в «Писателе Ибрахиме») и характер романтизма, светлого, жизнеутверждающего у Тауфика аль-Хакима и окрашенного пессимизмом у Ибрахима аль-Мазини.

Симптомом окончательного разрушения просветительского мировосприятия, осознания иллюзорности надежд на возможность быстрого обновления египетского общества путем перенятия европейского опыта и угасания ожиданий, связывавшихся с революцией 1919-1923 гг., стало появление в 30-40-х годах нескольких повестей на общую тему Восток-Запад. [«Литератор»](#) Таха Хусейна, «Птичка с Востока» (Усфур мин аш-шарк, 1939) Тауфика аль-Хакима, «Светильник Умм Хашим» (Киндиль Умм Хашим, 1944) Йахьи Хакки написаны авторами, достаточно долго прожившими в Европе, чтобы полюбить ее культуру, оценить с разных сторон высокий уровень цивилизации и быть в состоянии по возвращении на родину трезво сопоставить европейский менталитет и образ жизни с реальной действительностью египетского восточного общества.

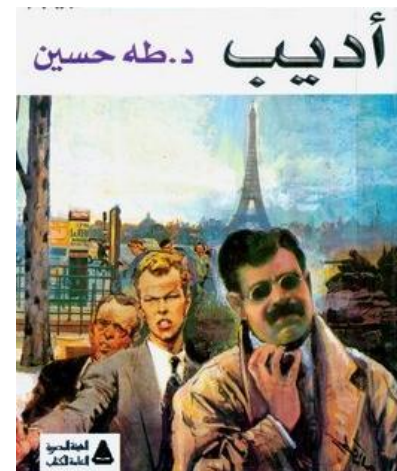

Каирская и парижская
улицы, конец первой
трети XX века

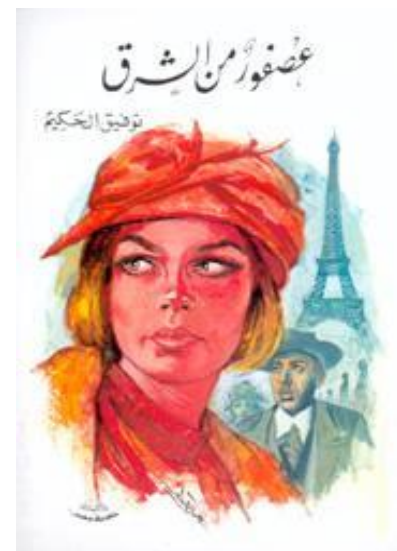

Герой романа Таха Хусейна «Литератор», литературно одаренный юноша из египетской деревни, очутившись в Париже, чувствовал себя так, как если бы после долгого пребывания в спертой атмосфере внутренних помещений великой пирамиды оказался вдруг на чистом, свежем воздухе. Опыненный свободой, неумеренный во всем: в тяге к науке и к наслаждениям, в муках совести и в страстях, не обладающий силой воли, чтобы отказаться от соблазнов европейской столицы, не привыкший к порядку и самодисциплине, он чувствует, что в нем происходит «раздвоение души»: он влюблен в Париж и совершенно не приспособлен для жизни в нем. Обо всем этом он рассказывает в письмах к другу, слепому азхариоту, который тоже собирается ехать во Францию. Неуравновешенность литератора перерастает в душевную болезнь; с началом первой мировой войны он начинает воображать себя немцем, которого во Франции преследуют. После смерти героя его слепой друг получает от французской возлюбленной литератора чемодан с его рукописями – прекрасными произведениями литературы.

В «Птичке с Востока» Тауфика аль-Хакима исторические судьбы Востока и Запада, их настоящее и будущее обсуждаются в беседах автобиографического героя, носящего, как и в «Возвращении духа», имя Мухсин, и его соседа по парижскому пансиону эмигранта из России Ивана, бежавшего в Париж от русской революции. Мухсин преклоняется перед европейской культурой, но согласен с Иваном в том, что европейская цивилизация переживает кризис, и видит его истоки в техническом прогрессе, разделившем общество на буржуазию, наживающую капиталы, и нищий пролетариат. Иван считает, что Европу может спасти только Восток, где еще сохранилась вера и высокие нравственные идеалы. Однако житель Востока Мухсин знает, что «золотой век» ислама остался далеко позади, и не разделяет надежд своего собеседника. Автобиографическому герою «Птички с Востока», как и литератору Таха Хусейна, свойственна «раздвоенность» ума и чувств, которая позже проявляется во многих произведениях Тауфика аль-Хакима.

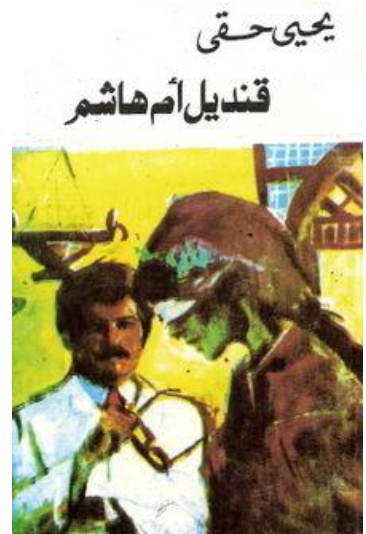
Современное издание романа «Литератор»

Современное издание романа «Птичка с Востока»

Наиболее зрелое образное выражение тема Восток-Запад нашла в повести Йахьи Хакки [«Светильник Умм Хашим»](#), основное действие в которой происходит уже после возвращения героя на родину. Выросший в каирском квартале Святой Зейнаб, изучавший медицину в Англии, Исмаил возвращается на родину, исполненный самых благих намерений – лечить своих пациентов средствами западной науки, в которую он уверовал безоглядно. И здесь он сталкивается с непреодолимыми препятствиями: новейшие медикаменты не помогают его теряющей зрение невесте, неграмотной Фатиме, поскольку она в них не верит. Целебное воздействие европейское лекарство оказывает, лишь если к нему добавлять масло из светильника, висящего в мечети над гробницей Святого Атриса. Аллегория прозрачна – наука благотворна только в сочетании с верой. И нельзя отречься от своего народа. Это принципиальное убеждение автора. После колебаний к такому же выводу приходит и герой повести, Исмаил. Что означает это решение для вернувшегося из Европы египетского интеллигента в первом поколении, раскрывается в эпилоге повести. Исмаил (повествователь представляет его читателям как своего дядю) женился на Фатиме, которая родила ему одиннадцать детей, и открыл клинику, где лечил простой народ «средствами, которые повергли бы в изумление европейских врачей».

После активного проникновения в общественную и научную мысль светских рационалистических идей, что было связано с общей идеологической атмосферой накануне и после национально-буржуазной революции 1919 г., в середине 30-х годов в египетском обществе наметился перелом в сторону усиления в нем исламского фактора и усиления внимания к внутренним социальным проблемам. Именно в 30-40-е годы появилось множество произведений на темы раннего ислама, в том числе беллетризованные обработки *Сирь*, хадисов и жизнеописаний сподвижников Пророка, большая часть которых принадлежала перу писателей из поколения обновителей, выступавших в 20-е годы в защиту светской культуры и европейской науки. В основе всех этих сочинений лежало желание их авторов представить «научный» взгляд на историю ислама.

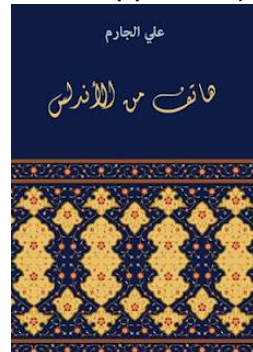
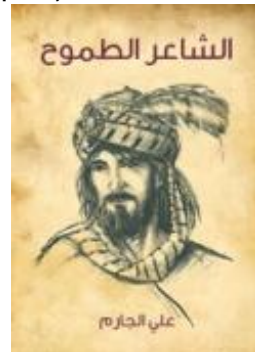
Современное издание романа «Светильник Умм Хашим»

Сочинение Таха Хусейна о эпохе рождения ислама [«На полях Сирь»](#) (1939)

Поиски, воскрешение и новое осмысление утраченных и забытых ценностей прошлого стимулировали интенсивное развитие в 30-40-е годы и египетского исторического романа, который, постепенно уходя от просветительской схемы романного героя, продолжает заложенную просветительским историческим романом традицию воспитания культуры исторического знания и приобретает черты проникнутой патриотическими мотивами романтической саги о выдающихся личностях, оставивших свой след в истории и культуре: государственных деятелях, полководцах, поэтах. Сюжеты черпаются преимущественно из арабо-мусульманской истории, отражая преобладающие в обществе панарабские и исламистские настроения, а также из истории Древнего Египта, интерес к которой проявляла главным образом молодая университетская интеллигенция.

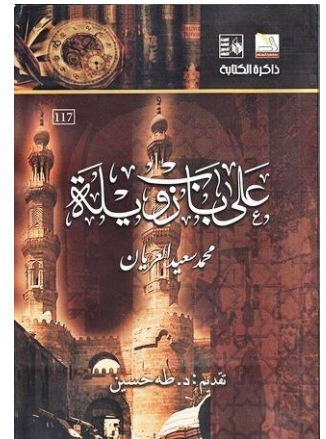
Поэты арабского средневековья стали героями опубликованных в 40-е годы исторических романов Али аль-Гарима (1881-1949), который вначале приобрел известность как поэт неоклассического направления. Два его романа посвящены аль-Мутанабби, остальные – севильскому поэту, эмиру аль-Му'тамиду ибн Аббаду, знаменитому кордовскому поэту Ибн Зайдуну, хамданидскому эмиру-поэту Абу Фирасу, омейядскому халифу, поэту и музыканту аль-Валиду ибн Йазиду. Как поэт-неоклассик Али аль-Гарим чрезвычайно заботится о красоте и изысканности языка. Склонность к риторике и дидактике еще преобладает у него над образностью. В текстах романов много архаизмов, стиль описателен, и анализ душевного состояния, психологии главного героя часто подменяется цитированием его стихов. Сюжеты аль-Гарим выбирает из сложных, переломных эпох арабо-мусульманской истории. Он подробно, пользуясь историческими источниками, называя точные даты, описывает события – войны с внешними врагами, внутреннюю политическую борьбу, распущенную жизнь знати, придворные интриги, заговоры, перевороты. Его герои-поэты, призванные пробуждать в читателе гордость за нацию, – не только свидетели, но и непосредственные участники всего происходящего.

Али аль-Гарим и современные издания его романов

Мухаммеда Саида аль-Арьяна (1900-1964) сближает с Али аль-Гаримом интерес к наиболее драматичным, кризисным эпохам арабской истории, события которых преломляются в судьбах его героев – известных исторических личностей. Риторико-поэтический стиль аль-Гарима уступает место в романах аль-Арьяна более простому повествовательному языку, стремлению к полноте и точности деталей, к более глубокому анализу чувств и внутренних побуждений персонажей. Пользовались успехом романы аль-Арьяна «Капля росы» (Катр ан-Нада, 1945), в котором описывается создание, возвышение и падение государства Тулунидов в Египте; «Дочь Константина» (1948), действие которого происходит в период борьбы Омейядов с Византией; «Шаджарат ад-Дурр» (1947) и особенно «У ворот Зувейла» (Аля Баб Зувейла, 1947), посвященный судьбе последнего мамлюкского султана Египта Туман-бея.

Заметные сдвиги в поэтике исторического романа на уровне изображения героя произошли в творчестве Мухаммеда Фарида Абу-Хадида (1893-1967). Изначально отдавая предпочтение исторической информативности в просветительском духе, очень скоро он пришел к пониманию важности художественно-эстетического фактора, что проявилось в его романе «Зенобия, царица Пальмиры» (Зенобия маликат Тадмор, 1941) и в его романских переработках преданий о выдающихся доисламских поэтах: «Мухальхиль Саййид Раби'а» (1944), «Заблудший царь» (аль-Малик ад-дыллиль, 1944) и «Отец рыцарей Антара ибн Шаддад» (Абу-ль-фаварис Антара ибн Шаддад, 1946). Для воссоздания наиболее полной исторической картины, образа жизни, людей, событий избранной эпохи Абу-Хадида пользуется описательными средствами, но прибегает к современным приемам психологического анализа в создании образов главных действующих лиц, в отображении их внутреннего мира. Связь и взаимодействие внешнего и внутреннего, описательности и аналитичности придают целостность повествованию, усложняют внутренний мир героя, чье восприятие окружающей действительности становится в романах Абу-Хадида сюжетообразующим фактором. В его псевдоисторической дилогии «Гоха в Джанбуладе» (1944) и «Страдания Гохи» (Алям Гоха, 1948), посвященной эпохе завоевания Тимуром Средней Азии, на первый план выходит тема взаимоотношений власти и народа, а

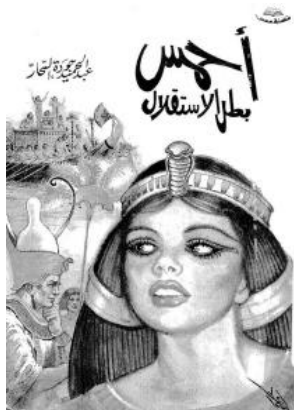

Современное издание романа «У ворот Зувейла»

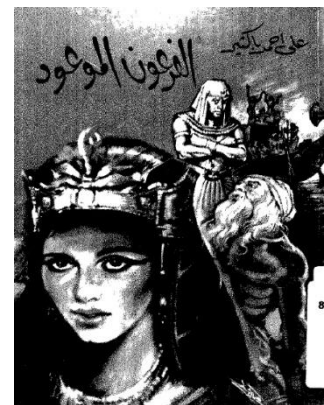
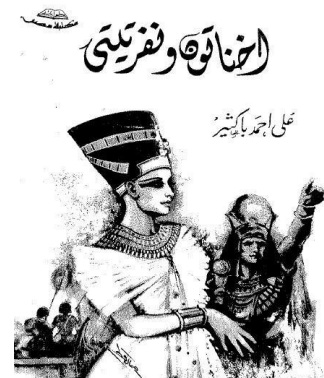
М.Ф. Абу-Хадида

Эпоха Древнего Египта в силу ее отдаленности и величия сохранившихся от нее и открывавшихся в ходе археологических раскопок памятников давала богатую пищу воображению исторических романистов. С одной стороны, в национальном сознании египтян утверждалось представление о Древнем Египте как прародине человеческой цивилизации, с другой – скудость конкретных исторических знаний увеличивала возможности вольной интерпретации событий и фактов этой эпохи каждым автором. Древнеегипетские сюжеты привлекали главным образом литераторов из числа выпускников университета, владевших английским языком и начитанных в европейской литературе, которые группировались вокруг созданного в 1943 г. Абд аль-Хамидом Годом ас-Саххаром «Издательского комитета выпускников университета».

А.-Х. Г. ас-Саххар и его роман

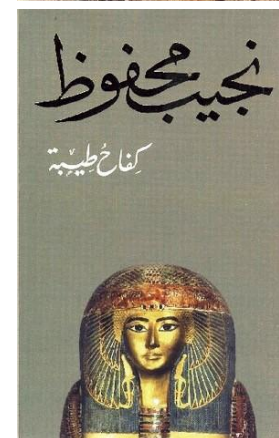
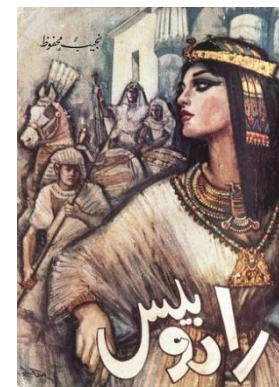
Первой изданной комитетом книгой был роман самого ас-Саххара (1913-1974) «Ахмос, борец за независимость» (Ахмос баталь истикляль, 1943). В комитете публиковался также драматург, поэт и прозаик хадрамаутского происхождения Али Ахмед Бакасир (1910-1969), который помимо принесшего ему известность романа «О, ислам!» (Ва ислама, 1945) из истории мамлюкского Египта и других романов и пьес на сюжеты из разных эпох арабо-мусульманской истории сочинил и ряд пьес по мотивам истории и легенд Древнего Египта, в том числе «Эхнатон и Нефертити» (1940), «Обетованный фараон» (аль-Фир'аун аль-мав'уд, 1945), «Осирис» (1959). У ас-Саххара публиковался также Адиль Камиль (р. 1916), написавший роман «Лучезарный царь» (Малик мин аш-ши'а', 1945), посвященный религиозно-реформаторской деятельности фараона Эхнатона и его трагической гибели. В абсолютно современной психологической трактовке образа фараона в романе нашли отражение настроения самого автора и близкой ему по духу молодой университетской интеллигенции – религиозный скептицизм, поиски романтической универсальной религии, позитивный отклик на проповедь

А. А. Бакасир и его пьесы

«Фараонские» романы будущего великого романиста Нагиба Махфуза (1911-2006) «Игра судеб» (Абс аль-акдар, 1939), «Родопис» (1943) и «Фивы борются» (Кифах Тыба, 1944) были задуманы автором как начало большой серии, в которой он намеревался проследить всю историю человеческой цивилизации, с тем чтобы дать ей рационалистическое объяснение, выявить единую цепь причинно-следственных связей. Еще в период учебы на философском отделении университета у Махфуза сложилась концепция истории человечества как поступательного, прогрессивного движения на основе непрерывной эволюции человеческой мысли, первоначальный импульс которой дан имманентной человеку верой. Религиозные верования, развиваясь и обновляясь, оборачиваются идейными убеждениями, общественными и политическими взглядами, которые сталкиваются, противостоят и изменяются у каждого нового поколения людей на всем пути движения человечества к некоему нравственному и общественному идеалу.

В исторических романах Махфуз, как и Адиль Камиль, озабочен не точным изложением событий и достоверным воссозданием реалий жизни Древнего Египта, а образным воплощением своей концепции истории. Исторические сведения, почерпнутые писателем из западных исследований, сплавлены с преданиями и легендами, хронология событий произвольно нарушается, для построения фабулы используются как традиционные ходы из средневековых народных романов, так и мотивы европейской литературы романтизма. В героях-фараонах воплощены различные типы личности, сконструированные из определенного набора качеств, и эти личности рассматриваются писателем в контексте взаимоотношений власти и народа. Идеал правящей личности выстраивается Махфузом адекватно пониманию им категорий предопределения и свободы воли: у власти в Египте должен стоять этнический египтянин, человек, разумом и волей подчиняющий себе свои страсти, ставящий превыше всего интересы родины и готовый ради нее принести в жертву все личное. При этом условия воля провидения совпадает со свободой воли правителя. «Фараонские» романы Махфуза имели, таким образом, вполне современный национальный и политический подтекст.

Современные издания «фараонских» романов Нагиба Махфуза

К концу 40-х годов исторический роман в Египте фактически выполнил свои основные задачи – ревизию ценностей национального духовного и культурного наследия, создание образов национальной истории, исторической «личности Египта». Как и во всей литературе, в историческом жанре ощущался нарастающий интерес к актуальной общественной проблематике, а художественное исследование современной жизни общества требовало иных повествовательных форм. Сочинение исторических романов продолжалось и позже, но в 50-х годах основной их поток постепенно иссякает.

В генезисе современного реалистического социального романа существенную роль сыграли два произведения пионеров обновительства в египетской литературе – повесть «Записки провинциального следователя» (Йаумийят на'иб фи-ль-арйаф, 1937) Тауфика аль-Хакима и сборник рассказов [«Мученики земли»](#) (аль-Му'аззабуна фи-ль-ард, 1949) Таха Хусейна. Оба писателя предприняли попытку создать обобщенный образ крестьянства – самого многочисленного в Египте и самого обездоленного общественного класса. Тауфик аль-Хаким придает своей повести, материал для которой ему дали годы работы следователем в судах маленьких провинциальных городков, форму дневниковых записей, объединяющую эпизоды из судебной практики, наблюдения за жизнью деревни и комментарии повествователя.

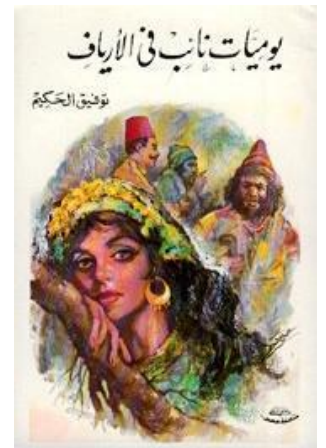

Египетские крестьянки

Крестьянство в целом видится Тауфику аль-Хакиму темной, пассивной, загадочной массой людей, живущих по своим неписанным законам. Единство нации, воспетое им же в «Возвращении духа», оказывается фикцией: феллахи и чиновничество разделены непреодолимой пропастью непонимания. Цикл рассказов о феллахх «Мученики земли» Таха Хусейна напоминает тургеневские «Записки охотника» – и по манере прямого обращения автора к читателю, и по их «революционизирующему» значению для общества. В сборнике рассказов Таха Хусейна отдельные образы «мучеников земли» складывались в образ народа, страдающего от нищеты и произвола. Неслучайно первый тираж сборника был конфискован египетскими властями.

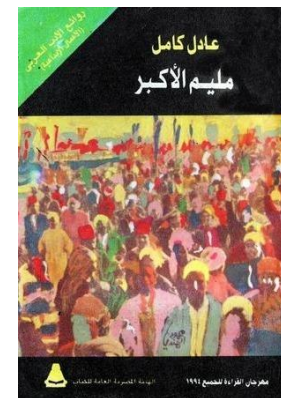
Сборник «Мученики земли»

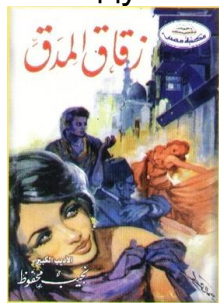
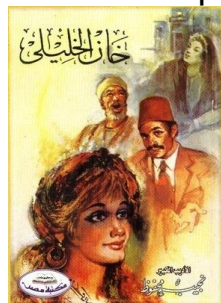
Повесть «Записки провинциального следователя»

Прозвучавшая в произведениях обновителей социальная критика получила развитие у писателей молодого поколения, в «городском» реалистическом романе – в «Миллим аль-Акбар» (1943) Адиля Камиля и в цикле «каирских» романов Нагиба Махфуза, а позднее, в 50-е годы, и в прозе «новых реалистов». В романе Адиля Камиля расслоение египетского общества изображалось через призму социалистических теорий, получивших хождение в среде египетской интеллигенции. Два героя романа: богатый и образованный, но слабовольный Халед и нищий, но предприимчивый Миллим аль-Акбар олицетворяют собой два противоположных общественных класса, а их судьбы призваны служить символами будущего этих классов, каким оно представлялось автору. Оксюморонное имя (*миллим* – самая мелкая египетская монета, а *аль-акбар* – превосходная степень прилагательного «большой») указывало на высокое достоинство героя, олицетворяющего собой простой египетский народ.

Появление пяти романов Нагиба Махфуза: «Новый Каир» (аль-Кахира аль-джадида, 1945), «Хан аль-Халили» (1946), «Переулочек аль-Мидакк» (Зукак аль-Мидакк, 1947), «Мираж» (ас-Сараб, 1948) и «Начало и конец» (Бидайа ва нихайа, 1949) знаменовало собой подлинное рождение в египетской, да и во всей арабской литературе современного реалистического романа. Задуманные как многотомная серия, романы эти отличаются широким пространственно-временным охватом жизни египетского общества на уровне не только быта и нравов, но и общественного сознания, борьбы политических сил и идеологических тенденций. Велика в романах роль места действия – различных, исторически сложившихся каирских кварталов, названия которых имеют определенные культурно-исторические и социальные коннотации. Основной романый герой в цикле – мелкий буржуа, стремящийся выйти за рамки среды, к которой он принадлежит по рождению, добиться успеха, занять подобающее положение в обществе, где власть принадлежит богатым, и неизбежно терпящий крах. Через драматические судьбы своих персонажей автор исследует состояние египетского общества

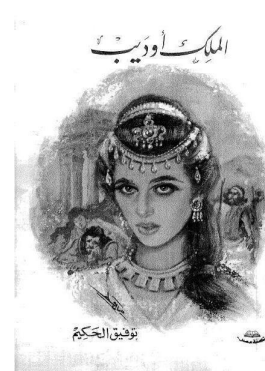
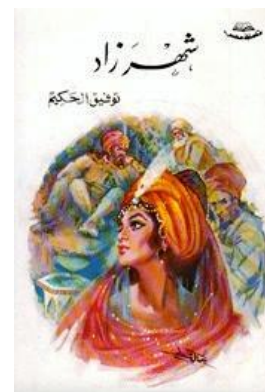
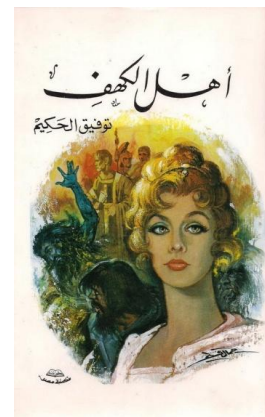
Современное издание романа «Миллим аль-Акбар»

Нагиб Махфуз и современные издания его «каирских» романов

К началу 30-х годов неотъемлемой частью культурной жизни Египта стал театр. В разных драматургических жанрах разрабатывалась актуальная современная проблематика, связанная с борьбой в обществе традиционного и нового, с положением женщины, взаимоотношениями поколений отцов и детей. Были уже в достаточной степени освоены жанры сатирической комедии, бытовой и исторической драмы, сложились определенные нормы языка драматургии – в пьесах на современные темы использовался разговорный язык, на исторические – классический литературный или его упрощенные формы. Известность в качестве драматурга получил крупнейший поэт-неоклассик Ахмед Шауки (1868-1932), автор четырех исторических пьес в стихах: «Смерть Клеопатры» (1927), «Маджнун и Лейла» (1931), «Камбиз» (1931) и «Антара» (1932) и одной в прозе – «Андалусская принцесса» (1932), которым он придал современное патриотическое звучание. Драматургия, однако, оставалась тесно связанной с театром, со спектаклем и как самостоятельный род литературы практически не воспринималась.

Создателем египетской, и вообще арабской литературной драматургии во всем разнообразии ее жанров стал Тауфик аль-Хаким, который во время учебы в Париже прочитал, по его словам, всю «драматургическую библиотеку» Запада и загорелся идеей создания арабского «интеллектуального театра» (аль-масрах аз-зихни), главное в котором – литературный текст. Эту идею он воплотил в своих драмах «Спящие в пещере» (Ахль аль-кахф, 1933), «Шахразада» (1934), «Пракса, или проблема власти» (Пракса ау мушкилят аль-хукм, 1939), «Пигмалион» (1942), «Царь Эдип» (1949). Мифологические и легендарные сюжеты в этих пьесах служили выражению философии автора, который находил в перипетиях судеб древних героев отголоски современной общественной жизни и своей личной судьбы. Так, в «Спящих в пещере» трактуется проблема взаимоотношений человека и времени, в «Шахразаде» – проблема познания истины и способов этого познания, в «Пигмалионе» – проблема взаимоотношений жизни и искусства. Логика поведения и решений, принимаемых персонажами Тауфика аль-Хакима, определяется тем, что его герой – человек, ищущий истину и остро переживающий дисгармонию мира, в итоге сознает бесплодность своих усилий. Помимо интеллектуальных драм в 30-40-е годы аль-Хаким написал около сорока пьес на современные социально-

Современные издания драм Т. аль-

В египетской поэзии 20-30-х годов по мере вызревания романтического направления противоречия между формой и содержанием, языком и поэтическим чувством, наблюдавшиеся в творчестве Халиля Мутрана и поэтов группы «Диван», полностью исчезают в стихах новых последователей романтизма. Они не выступают против своих непосредственных предшественников, воззрения которых в целом разделяют, но их неприятие классицизма и, более того, всей традиционной арабской поэзии оказывается выраженным гораздо сильнее и отчетливее. Снятие противоречия между старой формой и новым содержанием происходит в творчестве поэтов, группировавшихся вокруг издававшегося в Каире в 1932-1934 гг. журнала «Аполлон» и составивших одноименное общество. Редактором журнала и фактическим руководителем общества был Ахмед Заки Абу-Шади (1892-1955), в творчестве которого особенно ярко выразилась характерная для представителей этой группы неустойчивость во всем: в темах, мотивах, настроениях, поэтических формах. По отзыву одного из критиков стихи Абу-Шади, благодаря их разнохарактерности, явили собой «настоящую поэтическую энциклопедию: поэт то растворяется в природе и парит в небесах, то спускается на рынки и ярмарки. С «Аполлоном» был связан и один из крупнейших египетских лириков тех лет – Ибрахим Наги (1898-1953), прекрасный знаток европейской поэзии, певец безнадежной любви и сердечных ран, постоянно погруженный в пучину горя и слез, мастер романтических пейзажей. К этой же группе относился Али Махмуд Таха (1902-1969), поэт удивительно музыкальный, чьи стихи исполнялись как романсы. Он ввел в арабскую поэзию своего рода «европейскую экзотику»: основная тема его стихов – описание путешествий по Европе: венецианский карнавал, гондолы, серенады, поездка по Рейну и тому подобное. В 40-е годы он восхищался подвигом Сталинграда, «города героев, чье сердце ковали бои», призывал к арабскому единству, скорбил о судьбе политических беженцев. Это уже были предвестники нового возрождения поэзии в 30-40-е годы в египетской поэзии возникло и сюрреалистическое направление, во многом связанное с деятельностью александрийской «Ассоциации искусств и свободы». Наибольшую известность получили такие входившие в Ассоциацию поэты как Джордж Хунейн (1914-1973), [Камиль ат-Телемсани](#) (1915-1972), Адиль Амин, стремившиеся к «разрушению и пересозданию действительности» поэтическими средствами.

А. З. Абу-Шади

Ибрахим Наги

Али Махмуд Таха

БАЗОВАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА (ИССЛЕДОВАНИЯ)

- Али-заде Э.А. Египетская новелла. М.: Наука, 1974.
- Али-заде Э.А. Махмуд Теймур. М.: Наука, 1983.
- Борисов В.М. Современная египетская проза. М.: Издательство АН СССР, 1961.
- Долинина А.А. Арабески: Избранные научные статьи. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Кирпиченко В.Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М.: Наука, 1992.
- Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX вв. Т.1. М.: Восточная литература, 2002.
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти тт. Т.3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Коцарев Н.К. Писатели Египта. XX в. Материалы к библиографии. М., 1976.
- Сафронов В.В. Новая арабская литература. М., 1996.
- Соловьев В., Фильштинский И., Юсупов Д. Арабская литература. М.: Наука, 1964.
- Тикаев Г.Г. Египетский исторический роман (30-40-е гг. XX века). М.: Муравей, 2003.
- Усманов Н.К. Проза Тауфика аль-Хакима. М.: Наука, 1979.
- Ходжаева Р.У. Очерки развития египетской поэзии (конец XIX – 60-е гг. XX в.). Ташкент: Изд-во «ФАН» УССР, 1985.
- Хусейн-Заде М.Ш. Феллах в литературе Египта. Душанбе: Дониш, 1973.
- Юнусов К.О. Драматургия Тауфика аль-Хакима. М.: Наука, 1976.

БАЗОВАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА (ПРОИЗВЕДЕНИЯ)

- Махфуз Нагиб. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990.
- Махфуз Нагиб. Родопис. Л., 1990.
- Махфуз Нагиб. Шахразада. Рассказы. М.: Наука, 1991.
- Новая арабская поэзия. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
- Стихи поэтов Египта. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
- Теймур Махмуд. Синие фонари. М.: Художественная литература, 1970.
- аль-Хаким Тауфик. Избранное. М.: Академия поэзии «Московский писатель», 1998.
- аль-Хаким Тауфик. Потеря. Рассказы и драматические сценки. М.: Наука, 1983.
- аль-Хаким Тауфик. Пьесы. М.: Искусство, 1979.
- Хусейн Таха. Дни. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
- Хусейн Таха. Избранное. М.: Художественная литература, 1989.
- Шесть гиней. Новеллы египетских писателей. М.: Наука, 1964.